

уауауа

ОТЧЕТ
по дисциплине «Философия»
Гегль г.в.ф. кто мыслит абстрактно

Принял:
преподаватель В. В. Федорышин

подпись, дата

Выполнил:
студент гр. ИВТ-264 В.В.Коробов

подпись, дата

Омск 2006

Среди произведений немецкой классической философии вряд ли найдется еще одно, отличающееся столь же живой, остроумной, художественной формой, как публикуемая

ниже небольшая статья Гегеля «Кто мыслит абстрактно?». И хотя по стилю и манере изложения статья напоминает скорее произведения Гельвеция и Дидро, ее содержание посвящено пояснению одной из центральных идей гегелевской диалектики – идеи конкретности истины.

Мыслить абстрактно, тощими, односторонними определениями легче легкого, говорит Гегель, вся трудность состоит в том, чтобы мыслить конкретно, чтобы в форме и с помощью абстракций понять истинное существо того или иного предмета или явления. Выработка односторонних абстрактных определений лишь один из моментов в постижении явления в единстве его многообразия, в его сущности и специфичности, в его конкретности. Действительное, содержательное мышление по самой своей природе, по цели и задаче конкретно. Путь, на котором возможно достижение такого конкретного понимания, может состоять в рассмотрении истории, процесса возникновения и развития созерцаемого явления, в раскрытии тех многообразных условий его существования, которые в своей совокупности определили его настоящее состояние. Метафизическое же, в том числе обывательское, мышление ограничивается однобокими абстракциями, односторонними определениями, а поэтому и скользит по поверхности явлений, неизбежно является субъективным. ауауа

Рисуя несколько ярких картинок из жизни, Гегель тонко иронизирует над подобной субъективностью «абстрактного» мышления базарной торговки, и австрийского офицера, и разных людей из толпы, глазеющих на казнь убийцы.

Таков смысловауал этой небольшой статьи Гегеля. Прочитанная материалистически, она поможет проникнуть в сокровищницу гегелевской логики, понять «рациональное зерно» гегелевской диалектики.

Статья «Кто мыслит абстрактно?» написана Гегелем в Берлине, в последние годы жизни. Публикуемый текст взят из XX тома Сочинений Гегеля издания Глокнера (Штутгарт, 1930, отдел «Краткие статьи», стр. 445-450). Перевод с немецкого сделан Э.В. Ильенковым.

Гегель, завершивший дело Канта, Фихте и Шеллинга, самой логикой вещей был подведен к необходимости диалектически поставить вопрос о соотношении теоретической абстракции с чувственно-данной реальностью. Сама чувственно-данная человеку реальность впервые была осознана им с исторической точки зрения, как продукт истории,

как продукт деятельности самого человека. Но этот анализ сразу же вскрыл дополнительные трудности, решение которым сам Гегель дал по существу идеалистическое.

Проанализируем его позицию. Рассматривая абстрагирующую деятельность субъекта, Гегель сразу же отмечает ее зависимость от активного, от практического отношения человека к миру вещей, событий, явлений, фактов. В этом отношении чрезвычайно показательна его малоизвестная у нас работа "Wer denkt abstrakt?" ("Кто мыслит абстрактно?"). Написанная в стиле газетного фельетона и явно имитирующая способ изложения философских вопросов французскими материалистами, эта статья остроумно и популярно излагает фундаментальные идеи гегелевской "Феноменологии духа".

Гегель прежде всего снисходительно вышучивает то антикварное почтение к "абстрактному", которое основывается на представлении о научном мышлении как о некоей таинственной области, вход в которую доступен лишь посвященным и недоступен "обыкновенному человеку, живущему в мире "конкретных вещей".

"Мыслить? Абстрактно? – Спасайся кто может!" – пародирует Гегель реакцию читателя, воспитанного в духе таких взглядов, на приглашение поразмыслить над проблемой абстрактного и конкретного.

На ряде забавных притч-анекдотов Гегель иллюстрирует свою мысль: нет ничего легче, чем мыслить абстрактно. Абстрактно мыслит каждый, на каждом шагу, и тем абстрактнее, чем менее образованно, развито его духовное Я, – и, наоборот, вся трудность заключается в том, чтобы мыслить конкретно.

В этом рассуждении Гегеля и в подборе иллюстраций к нему можно обнаружить все характерные черты его концепции, – диалектики, основывающейся на объективно-идеалистическом понимании вопроса об отношении мышления к чувственно-данной реальности, – концепции, развернутой в "Феноменологии духа". Нетрудно заметить, что Гегель, в отличие от своих предшественников, прекрасно видит и все время подчеркивает ту связь, которая существует между простейшей абстрагирующей деятельностью и практически-целенаправленным отношением человека к миру окружающих его вещей и явлений. При этом абстрагирующий субъект у Гегеля уже не отвлеченный гносеологический робинзон, а человек, совершающий свою духовную деятельность внутри

определенной системы отношений с другими людьми, как и в самом акте познания, в акте духовной обработки чувственно-данных фактов, действующий как член общества.

Этот принципиально новый угол зрения на явления познания сразу открывал для философии горизонты и перспективы, неведомые предшественникам Гегеля, в том числе ближайшим – Канту, Фихте и Шеллингу. Плодотворнейшим образом сказался этот новый подход и на постановке проблемы отношения абстрактного к конкретному.

Гегель с самого начала (в теоретически-систематической форме в "Феноменологии духа", а в популярной в приведенных выше рассуждениях) подходит к исследованию мышления как к исследованию особой формы духовной деятельности общественно-исторического субъекта, старается постигнуть его как исторически-развившуюся общественную реальность. Логика предстает с этой точки зрения как наука о формах и законах развития специфически человеческой способности мыслить. С этим тесно связано то обстоятельство, что мышление перестает казаться таинственно-эзотерическим занятием избранных, творческой силой гения, – каким его представил Шеллинг, открыв тем самым традицию иррационализма в новейшей философии.

Наука, научное мышление в системе Гегеля выступает как высшая ступень развития "обыденного" мышления, и не случайно Гегель ищет ключи к важнейшим логическим проблемам в анализе обычных умственных операций, производимых всяким и каждым ежедневно и ежечасно. Он недаром очерчивает общие контуры своего понимания вопроса об отношении абстрактного к конкретному на материале мышления уличного зеваки, рыночной торговки, старухи из богадельни, армейского офицера и тому подобных персонажей. С анализа подобной же стадии развития способности логически мыслить начинается и "Феноменология духа".

Гегель (как мы уже отметили) резко подчеркивает то обстоятельство, что характер абстрагирующей деятельности человека всегда находится в зависимости от общества, от целой системы развитых обществом условий, внутри и посредством которых она, абстрагирующая деятельность, совершается. Именно общество, – а не отвлеченный индивид, не абстрактное гносеологическое "Я", – вырабатывает и те формы, в которые отливается абстрагирующая деятельность индивида, и цель, в свете которой происходит абстрагирование общих образов; именно общество в целом представляет перед индивидом тот чувственно-данный материал, который абстрагирующая деятельность обрабатывает;

именно общественное развитие ставит индивида в определенное отношение к чувственно данному материалу; короче говоря, и абстрагирующий субъект и обрабатываемый им чувственный материал предстают с этой точки зрения в качестве продуктов развития совокупного общественно-исторического субъекта, абсолютного субъекта-субстанции, – как в итоге называет его Гегель.

Формы становления этого абсолютного субъекта и есть, по Гегелю, предмет Логики как философской теории.

Уже та простейшая форма, в которую отливается неизбежно абстрагирующая деятельность индивида – слова языка, речь, – ставит для произвола индивидуального субъекта строгие границы, не зависящие от его произвола. При переводе чувственно-данной конкретности в формы речи, в словесное бытие, индивид определен со стороны общества. Однозначность взаимопонимания здесь выступает как субъективный критерий правильности абстрагирования.

Но на акт абстрагирования сильнейшее – и даже доминирующее – влияние оказывают высшие этажи духовного строя – моральные, правовые, религиозные и тому подобные общественные нормы, вплоть до логических. Последние чаще всего не осознаются абстрагирующим индивидом, а командуют им как бы исподтишка, за его спиной, а субъектом некритически принимаются за самоочевидные формы самого чувственно-предлежащего материала. Общественная природа и реальность абстрагирующей деятельности – вот что было вскрыто Гегелем в идеалистической форме представления об "абсолютном субъекте-субстанции" всякого знания.

Фрагмент, пространно процитированный нами выше, раскрывает еще одну важнейшую и характернейшую черту гегелевского подхода к проблеме абстрактного и конкретного. Это – идеалистически абсолютизированное понимание того факта, что чувственно-предлежащий человеку мир вещей и явлений есть не вечная, не исторически данная самой природой реальность, пассивно отражаемая столь же неисторически толкуемой чувственностью, а прежде всего – продукт чувственной деятельности самого же человека. При этом сама чувственно-практическая деятельность понимается Гегелем по существу идеалистически, как деятельность, опредмечивающая моральные, правовые, религиозные, художественные нормы, своекорыстные интересы или логически добытые истины.

В примерах, фигурирующих в фельетоне "Кто мыслит абстрактно?", персонажи мыслят и говорят о таких чувственно-данных предметах, явлениях или событиях, которые очень легко истолковать как "отчужденные образы сознания". Отрубленная голова правонарушителя, крест христиан, темляк австрийского офицера и т.д. и т.п. – все это суть действительно продукты сознательной деятельности общественного человека, "опредметившей" в них определенные правовые, моральные, религиозные или нравственные нормы.

То есть – подлинным основанием абстракций, производимых персонажами анекдотов, оказываются именно общественно принятые нормы, традиционно принимаемые индивидуальным сознанием как нечто само по себе разумное и разумеющееся. И это потому, что они прежде всего овеществлены в самом чувственно-данном предмете. Любой чувственно-данный предмет в гегелевской феноменологии сознания истолковывается как продукт деятельности другого человека, или, точнее, как продукт деятельности всей совокупности других людей. Предметная чувственно-данная реальность утрачивает тем самым свое самостоятельное значение и предстает в итоге только как предметное бытие человека для человека, как сознательно или бессознательно овеществленная цель человека.

В этой концепции – как и вообще у Гегеля – гениальное прозрение органически переплетено с ложно-идеалистической подосновой. И этой подосновой является прежде всего общее понимание деятельности человека, как деятельности, с самого начала руководящейся чисто духовными мотивами. Об этом мы подробнее будем говорить ниже. Пока постараемся как можно тщательнее выявить рациональное зерно его постановки вопроса.

Поскольку предмет понимается как предметное бытие человека для человека, как выраженная в вещи духовная индивидуальность другого человека, постольку и бытие человека для человека истолковывается как предметное бытие. Дух сообщается духу только через вещи, через чувственное бытие. Непосредственное общение индивидуальных духов – грубые представления о магнетизме, спиритизм и т.п. – Гегель, если и не отвергает с порога, то во всяком случае не придает им серьезного значения для теоретического понимания вопроса.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания"

человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально

объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями. Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек

чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно

Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещей и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот

решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он

является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспредельная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает

как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспредельная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает

как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка

дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспредельная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие

для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспредельная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека,

отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у

Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов,

зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным трудом в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным

конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда,

руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным трудом в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспредельная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным трудом в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещей и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспредельная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот

решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он

является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает

как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспредельная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает

как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка

дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспредельная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие

для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным трудом в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека,

отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у

Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспредельная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов,

зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным трудом в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным

конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда,

руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным трудом в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещей и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот

решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он

является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспредельная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает

как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает

как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка

дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспредельная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие

для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным трудом в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека,

отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у

Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным труд в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещах и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов,

зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда, руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.

Но далее как раз и начинается специфический идеализм гегелевской "Феноменологии духа". Первой и исторически и логически формой "опредмечивания" человека, превращение духовного "Я" в предметное, чувственно воспринимаемое бытие для другого человека, а тем самым и для себя самого – первый акт превращения человека в человека – Гегель усматривает в пробуждении способности давать имена, названия.

Пробуждение этой способности в его концепции предшествует любой другой форме превращения идеального бытия субъекта в чувственно-предметное бытие, воспринимаемое другим человеком.

Чувственно-практическая же деятельность, изменяющая формы, данные природой, – общественным трудом в марксовом понимании этого понятия, – в системе Гегеля выступает как следствие, как производное от способности давать чувственно-данным образам имена. Реальная картина тем самым и перевертывается. Дух оказывается способным

конструировать царство абстрактных имен до того и независимо от того, что человек чувственно-практически овладевает независимым от него и вне его находящимся предметным миром, занимается общественным трудом.

Сам чувственно-материальный труд предстает как реализация духовных стремлений субъекта, – вместо того, чтобы быть основой и источником этих стремлений, каковой он является на самом деле, и что вскрыл впервые лишь Маркс в своей критике гегелевской "Феноменологии духа".

Итак, язык, речь, способность давать вещам имена и сообщать другому Я свои чувственные впечатления, в системе философии духа у Гегеля предшествует любой другой форме деятельности общественного человека. Эта идеалистическая исходная точка дедукции человеческих способностей тесно связана с идеализмом всей гегелевской системы.

Способность абстрагировать "общее" у чувственно-созерцаемых вещей и фиксировать его в форме общепонятного наименования оказывается первой формой бытия духа как духа. Беспреданная повторяемость какого-то образа в поле чувственности и у Гегеля оказывается первоначально единственной основой становления духа, первоначально выступающего как "царство имен".

Почему неоднократное повторение одинаковых чувственных впечатлений вызывает в человеческом интеллекте процесс образования царства имен, общих образов, зафиксированных соответствующими словами, – этого Гегель сколько-нибудь рационально объяснить не в состоянии. В этом пункте его решение носит по существу чисто словесный характер: потому-де, что такова природа духа, как "высшей потенции" мироздания...

Критика гегелевской феноменологии сознания, приведенная Марксом на заре становления диалектико-материалистической философии, неизменно направляется на этот решающий пункт его системы – на извращенное идеалистическое понимание вопроса об отношении всех форм духовной деятельности человека – к деятельности чувственно-практической, к процессу реального производства материальной жизни общества.

Совершающееся в процессе общественного труда изменение предметных форм, реальное (а не идеальное) чувственно-практическое очеловечивание природы выступает как действительная основа и источник всех без исключения человеческих способностей, в том числе и способности логически мыслить. Именно в процессе материального труда,

руководящегося самыми "грубыми" материальными потребностями, и возникает, согласно Марксу-Энгельсу, элементарная форма теоретической деятельности – способность сосредоточивать внимание на повторяющихся явлениях, важных с точки зрения человека, отличать их от всех других и фиксировать эти повторяющиеся явления в виде устойчивых и общепонятных наименований.

Этим и был совершен решающий шаг на пути конструктивного преодоления гегелевской концепции возникновения и развития духа со всеми его способностями.